

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 501–531.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 501–31.

Научная статья

УДК 327 (476:4-470)“1928/1933”

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-4>

EDN: DXBJIN

Деятельность Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве (1928–1933 гг.)

Ольга Николаевна Боровская

Институт истории НАН Беларуси,
Минск, Беларусь,

borovskaya-olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-7432>

Olga N. Borovskaya

Institute of History of the NAS of Belarus,
Minsk, Belarus,

borovskaya-olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7164-7432>

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве в 1928–1933 гг. Основными источниками стали протоколы заседаний комитета и документы к ним (отчеты, инвентарные книжки, балансовые дневники), содержащиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, а также протоколы заседаний и рабочие материалы Польско-российско-украинской расчетной комиссии, хранящиеся в польском Archiwum Akt Nowych. На основе специально-исторических методов и методов статистического анализа была проанализирована деятельность Ликвидационного комитета, установлена взаимосвязь его работы с функционированием Смешанной расчетной комиссии. Установлено, что заседания двусторонней комиссии по осуществлению взаиморасчетов между Польшей, с одной стороны, и РСФСР и УССР, с другой, были неэффективны. Нежелание сторон найти приемлемый вариант решения проблемы послужило поводом к инициированию ликвидационного процесса (продажи, раздела и передачи имущества наследникам или польской казне) акционерных обществ, официально зарегистрированных на территории СССР, но владевших имуществом в Польше. Начало национализации частных банков, городских строений, церковного имущества, частных больниц, торговых предприятий, иностранной собственности в СССР стало своеобразным толчком для активизации деятельности Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве. Большинство дел было рассмотрено в пользу польской стороны: средства,

© Боровская О.Н., 2024

© Borovskaya O., 2024

полученные от продажи активов, были перечислены польской казне. В редких случаях отчуждаемое имущество было разделено между членами, вкладчиками и основателями («Общество взаимного страхования витебских крестьян», «Лепельское общество взаимного страхования»). В заключительной части статьи подводятся итоги деятельности Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве в 1928–1933 гг., дается оценка правомерности некоторых ликвидационных постановлений.

Ключевые слова: Ликвидационный комитет, Смешанная расчетная комиссия, Рижский мирный договор, взаиморасчеты, акционерное общество

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 гг.

Для цитирования: Боровская О.Н. Деятельность Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве (1928–1933 гг.) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2024. Т. 8, № 2. С. 501–531, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-4>; EDN: DXBJIN

The Activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw (1928–1933)

Abstract. The article deals with the activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw in 1928–33. The main sources for the research were the minutes of the committee meetings and the documents to them (reports, inventory books, balance sheets) contained in the National Archives of the Republic of Belarus; minutes of meetings and working materials of the Polish-Russian-Ukrainian Settlement Commission stored in the Polish Archive of New Acts. By means of special historical methods and methods of statistical analysis, the activities of the Liquidation Committee were analyzed. The relationship of its work with the functioning of the Mixed Settlement Commission was established. Attention is drawn to the inefficiency of the meetings of the bilateral commission for mutual settlement between Poland, on the one hand, and the RSFSR and the Ukrainian SSR, on the other. The unwillingness of the parties to find an acceptable solution to the problem caused the launch of the liquidation process (sale, division and transfer of property to heirs or the Polish treasury) of joint-stock companies officially registered in the USSR but owning property in Poland. The beginning of the nationalization of property of private banks, urban building, church property, private hospitals, commercial enterprises, and foreign property in the USSR served as an impetus for the activation of the activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw. Decisions in most of the cases were made in favor of the Polish side: the funds received from the sale of property were transferred to the Polish treasury. Only in rare cases, the alienated property was divided among the members, investors, and founders (Mutual Insurance Society of Vitebsk Peasants, Lepiel Mutual Insurance Society). The final part of the article sums up the results of the activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw in 1928–33 and the legitimacy of some liquidation decisions.

Keywords: Liquidation Committee, Mixed Settlement Commission, Treaty of Riga, mutual settlements, joint stock company

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the State Program for Scientific Research “Society and Humanitarian Security of the Belarusian State,” 2021–2025.

For citation: Borovskaya, O.N. “The Activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw (1928–1933).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 2 (2024): 501–31, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-4>; EDN: DXBJIN

Введение

Рижский мирный договор заложил основы мирного сосуществования Советских республик и Польши. Внешнеполитические ведомства Польши и РСФСР (СССР), учитывая общий курс каждой из стран и ситуацию в регионе Центрально-Восточной Европы, стремились наладить взаимосвязи, снять напряженность и построить эффективную модель решения проблем. Однако деятельность Смешанных комиссий (резвакуационной и специальной, комиссии по репатриации, пограничной, военно-согласительной и согласительной по решению пограничных инцидентов), созданных для практического выполнения ряда положений Рижского договора и Соглашения по репатриации, демонстрировала явную неготовность сторон к компромиссу, выражающуюся в отсутствии схем оптимального решения спорных вопросов. Это вызывало не только задержки в их работе, но и создавало угрозу разрыва дипломатических отношений.

Историография советско-польских отношений началась еще в 1920-е гг., когда были созданы первые исследования по данной тематике¹. Эти работы, как и последующие советские публикации 1920–1930-х гг. о политике СССР в отношении западных соседей, носили полемический характер. Советские историки обвиняли руководящие силы Польши в стремлении создать антисоветский блок вдоль западных границ СССР и в невыполнении основных положений Рижского договора. В 1950-е гг. вопрос советско-польских отношений в период до 1939 г. рассматривался с классовых позиций. Советские ученые позитивно оценивали возможность советизации Польши, а также анализировали цели восточной политики Ю. Пилсудского в русле антисоветских планов Антанты и интересов польского помещичьего землевладения в бывших восточных землях Речи Посполитой. В 1960-е гг. были введены в научный оборот новые источники по истории советско-польских отношений 1921–1939 гг. Так, П.Н. Ольшанский, признавая правомерность оценок своих предшественников, привел ранее неизвестные материалы о работе смешанных комиссий, созданных для практического выполнения ряда положений Рижского мирного договора, в том числе и

¹ Мархлевский Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. Москва: Госполитиздаат, 1921; Радек К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала. Москва: Госполитиздат, 1921.

Смешанной расчетной комиссии, и впервые в советской историографии выделил фазы враждебности и сближения в двусторонних отношениях².

В польской историографии в межвоенный период сформировалась концепция «двух врагов», в рамках которой РСФСР (СССР) и Германия рассматривались как непримиримые соперники Польши на международной арене, которые держали Польское государство в «геополитических тисках». Работы в основном носили полемический характер, в них не ставился вопрос об обоснованности вхождения в состав Польского государства украинских, белорусских и литовских земель. Историки и политики писали, что западные государства заплатили Польше недостаточно высокую цену при решении проблемы ее границ³. В период до государственного переворота 1926 г. в работах польских историков конкурировали концепция инкорпорации национальных демократов, которые выступали за независимость Польши в границах ее второго раздела, и концепция федерализма Ю. Пилсудского и его сторонников по созданию федеративного государства. Польские историки, работавшие в годы существования Польской народной республики (ПНР), в своих оценках развития советско-польских отношений повторяли выводы советской историографии. В. Гостынская⁴, А. Деруга⁵, Е. Куманецкий⁶, В. Матерский⁷ писали о характере советско-польских отношений после создания Польского государства, а также о его территориальных проблемах, возникавших, в том числе, и по вине польской стороны. Исследователи отмечали противоречивый характер польской внешней политики: стремление к захвату территорий на востоке и оборонительную позицию в вопросе возвращения западных польских земель. Официальная историография ПНР не высказывалась в негативном ключе о планах советизации Польши в 1920 г. и о советской идее мировой революции.

На границе 1980–1990-х гг. начался новый этап в развитии историографии советско-польских взаимоотношений. В связи с открытием доступа к массиву архивных документов о внешней политике Советской России (СССР) вновь

² *Ольшанский П.Н.* Рижский договор и развития советско-польских отношений. 1921–1924. Москва: Наука, 1974.

³ *Dmowski R.* Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa: Cyfrowa Biblioteka Myśli Narodowej, 1926.

⁴ *Gostyńska W.* Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919. Warszawa: Książka i Wiedza, 1981.

⁵ *Deruga A.* Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1969.

⁶ *Kumaniecki J.* Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971.

⁷ *Materski W.* Polska a ZSRR, 1923–1924: Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie. Wrocław: Ossolineum, 1981.

развернулись дискуссии по данной тематике. В наши дни многие историки подчеркивают преемственность имперской геополитической традиции во внешней политике Советской России, на которую сравнительно малое влияние оказала коммунистическая идеология⁸. В работах В.А. Зубачевского указанная преемственность отмечается на разных этапах развития государства⁹. О.В. Бабенко¹⁰ считает, что советским руководством еще в 1922 г. в качестве главного был определен курс на достижение статуса великого государства, ради чего требовалось вернуть земли, утраченные в Восточной Европе. Белорусская историография советско-польских отношений представлена трудами Н.Н. Мезги¹¹, Г. Г. Лазько¹², В. Цинкевича¹³. Среди современных польских исследователей указанной темы необходимо отметить М. Лечика¹⁴, Д. Наленч¹⁵, А. Скшипек и Т. Ковальского¹⁶, С. Григоровича и М. Захариаса¹⁷, А. Новака¹⁸.

Несмотря на обилие научных работ по разнообразным аспектам советско-польских отношений 1921–1939 гг., проблематика Смешанной расчетной комиссии и Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц слабо изучена в иностранной и отечественной

⁸ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002.

⁹ *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. Москва: Политическая энциклопедия, 2019.

¹⁰ *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006.

¹¹ *Мезга Н.Н.* Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019.

¹² *Лазько Р.Р.* Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2000.

¹³ *Цынкевіч В.М.* Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг.: дис. ... канд. гіст. навук. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2004. 127 л.

¹⁴ *Leczyk M.* Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976.

¹⁵ *Nalęcz D.* Pokój ryski – epizod w stosunkach polsko-rosyjskich // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod redakcją S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 97–129.

¹⁶ *Kowalski W.T., Skszypek A.* Stosunki polsko-radzieckie 1917–1945. Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1980.

¹⁷ *Gregorowicz S., Zacharias M.J.* Polska–Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995.

¹⁸ *Nowak A.* Ryga: interpretacje i konsekwencje w polityce międzynarodowej // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod redakcją S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 131–162.

историографии, что в совокупности с достаточно хорошей обеспеченностью источниками подтолкнуло автора к более детальному изучению данной темы. Цель исследования – охарактеризовать деятельность Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве в 1928–1933 гг. Для ее достижения необходимо было решить следующие задачи: изучить нормативно-правовую базу создания и существования Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве в 1928–1933 гг., установить причины неэффективности его деятельности, выявить связь в работе комитета и Смешанной расчетной комиссии. Источниковой базой исследования послужили архивные материалы Национального архива Республики Беларусь и польского архива Archiwum Akt Nowych. В белорусском архиве в фонде 1461 (Ликвидационный комитет по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве) содержится 13 единиц хранения за 1928–1933 гг. Материалы фонда представляют собой протоколы комитета и документы к ним (статистические данные, решения комитета, отчеты ликвидаторов, книги прихода и расхода некоторых акционерных обществ). В Archiwum Akt Nowych в Варшаве содержатся рабочие материалы Смешанной расчетной комиссии, представленные в фонде Министерства иностранных дел Польши.

Основная часть

Рижским мирным договором 1921 г. предусматривалось в том числе создание Смешанной расчетной комиссии (далее – СРК), которая должна была решить вопрос эвакуированных в Россию финансовых институтов, компенсации вкладов населения Польши, субъектов хозяйствования в банках России. Комиссия должна была заниматься вопросами взаиморасчетов между польской и российско-украинской сторонами: определять размеры, способы и сроки выплат, а также решать дела, связанные с частно-юридическими отношениями двух стран, погашать претензии юридических и физических лиц, поступавшие в адрес Министерства финансов Польши и Народного комиссариата финансов РСФСР, УССР и других государственных институций как польских, так и российско-украинских. В сферу компетенции СРК попадали взаиморасчеты, связанные с процессом реэвакуации польского частного и государственного имущества¹⁹.

Согласно ст. XVI Рижского мирного договора, российско-украинская сторона обязывалась осуществить с Польшей расчет по фондам и капиталам, завещанным или пожертвованным польским юридическим и физическим

¹⁹ Документы внешней политики СССР: в 24 т. / под редакцией Г.А. Белова и др. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 703.

лицам, находящимся согласно обязательным постановлениям на сохранении или на счетах в государственных кассах или кредитных учреждениях бывшей Российской империи. Для проведения расчетов, предусмотренных ст. XIV, XV, XVI, XVII Рижского договора, и для установления принципов этих расчетов в случаях, не предусмотренных договором, а также для определения размера, способов и сроков выплаты по вышеперечисленным расчетам на протяжении 6 недель со дня ратификации договора создавалась СРК, состоявшая из 5 представителей с каждой стороны и необходимого количества экспертов, с местонахождением в Варшаве. Датой проведения сделок, которая бралась за отправную точку, признавалось 1 октября 1915 г. Расчеты происходили в российских золотых рублях. 30 мая 1921 г. российско-украинская делегация Смешанной расчетной комиссии прибыла в Варшаву, а в 1924 г. она вернулась в Москву. Польская делегация была сформирована 1 июня 1921 г. Комиссия приступила к работе с некоторой задержкой, которая была вызвана болезнью председателя российско-украинской делегации Л.Л. Оболенского²⁰. В итоге 1-е заседание СРК состоялось 3 ноября 1921 г. С польской стороны в нем приняли участие Ю.К. Карсницкий (председатель польской делегации), С. Каузик, С. Круликовский, С. Маковецкий, Т. Навойский, с российско-украинской стороны – Л.Л. Оболенский (председатель), М.И. Боголепов, И.Я. Хургин, Б.Р. Зуль. Изначально в состав российско-украинской делегации планировалось включить полномочного представителя РСФСР в Польше Л.М. Карахана, но из-за его чрезвычайной занятости советская сторона была представлена лишь четырьмя членами комиссии.

Во время I пленарного заседания СРК были рассмотрены технические вопросы, обсуждены способы осуществления расчетов, утвержден регламент работы комиссии, а также подтверждена необходимость доставки российско-украинской стороной вывезенных актов и документов, необходимых для осуществления взаиморасчетов. Для проведения расчетных операций признавалось необходимым наличие архивных документов, вывезенных с территории Польши во время Первой мировой войны: архивов палат (изб) и казначейств, государственных благотворительных касс, отделов городских банков, сельских и шляхетских банков, эвакуированных частных кредитных учреждений.

В регламенте было закреплено, что в пленарных заседаниях имели право принимать участие полномочные представители двух делегаций, технические сотрудники, вызванные председателем делегации. Время и место заседаний, дневной порядок устанавливались путем соглашения председателей делегаций.

²⁰ Отчет о деятельности польской делегации в Смешанной расчетной комиссии за 1921–1922 гг. // Archiwum Akt Nowych (далее – AAN). Zespół MZS. Sygn. 9391. S. 122–123.

Рабочими языками признавались польский, русский и украинский. Протоколы велись каждой стороной на польском и русском языке. Существовала возможность создания подкомиссий для рассмотрения конкретных вопросов.

II заседание СРК, которое началось 5 декабря 1921 г., было посвящено определению сроков возврата документальных основ взаиморасчетов. Через два месяца российско-украинская сторона, на территории которой находились все необходимые источники, должна была осуществить реэвакуацию материалов центральных учреждений, расчеты которых проходили через Главную государственную кассу (Центральный или Петербургский отдел Российского государственного банка), начиная с 1 января 1916 г., предоставить информацию о взаимных долгах, доверительных листах. Кроме этого, российско-украинской стороне вменили в обязанность прислать печатные экземпляры всех бюджетов государственных институций за 1915–1917 гг.

5 декабря 1921 г. польская часть СРК выпустила постановление, согласно которому всем лицам, претендовавшим на взаиморасчеты, необходимо было обратиться в канцелярию польской делегации, отдельную комиссию в Варшаве, или через консульства и представительства за границей. Заявители должны были иметь при себе приложения в виде документальных доказательств с точно определенным числом имущества или имущественных прав, которые они желали вернуть. После предварительного рассмотрения заявления с приложениями отправлялись в адрес российско-украинской делегации, которая в месячный срок от даты получения должна была дать официальный ответ о целесообразности расчетов. В случае, если в месячный срок ответ от российско-украинской стороны не приходил, то заявление предполагалось удовлетворить в полном объеме. Ответы готовились в специальных подкомиссиях, состоявших из четырех экспертов (по два с каждой стороны). Решение принималось большинством голосов. При равенстве голосов дело передавалось на рассмотрение в главную комиссию СРК еще на два месяца.

Во время первых трех пленарных заседаний не было принято никакого решения относительно принципа и механизма расчетов. 12 декабря 1921 г. рассматривалось предложение польской делегации об установлении основ по урегулированию расчетов с польскими гражданами, бывшими служащими государственных учреждений (ст. XVII, ч. 2, ст. XVIII). Согласно этому представлению, служащие военных, гражданских, железнодорожных учреждений бывшего Королевства Польского и Российской империи, а также их наследники (вдовы и сироты) имели право претендовать на выплаты всех задолженностей по заработной плате, пенсиям и другим невыплаченным

суммам²¹. Через две недели (26 декабря 1921 г.) был поднят вопрос об отсроченной задолженности городских и сельских гмин на счетах бывшей Российской империи²². Во исполнение п. 2. ст. XVII Рижского договора Польша была обязана осуществить расчет с советским правительством по суммам дебиторской задолженности городских и сельских гмин.

В марте 1922 г. по инициативе польской делегации был поднят вопрос осуществления расчетов по претензиям польских физических и юридических лиц к российским почтовым и почтово-телеграфным учреждениям, как эвакуированным, так и действующим на территории РСФСР и УССР²³. Выплаты предусматривались за неосуществленные почтовые и телеграфные переводы, нереализованные векселя, недоставленные ценные посылки и заказные письма. В это же время было озвучено предложение польской делегации в СРК по вопросу урегулирования задолженности бывшим военным Российской империи, являвшимся польскими гражданами (офицерам, врачам, фельдшерам, солдатам, санитарам и др.) на общую сумму 119 млн 458 тыс. золотых рублей, включающую пенсии, выплаты на питание, постоянные и специальные выплаты на 24 тыс. человек²⁴.

27 декабря 1924 г. вышло распоряжение Президента Польши «Об охране прав на предъявителя (имущества), вывезенного на территорию СССР, которое содержится в учреждениях на этой территории». А 16 февраля 1925 г. было опубликовано распоряжение министра финансов Польши, согласно которому владельцы имущества или капиталов должны были не позднее 1 ноября 1925 г. подать заявление о своих претензиях в Главное ликвидационное управление. В итоге советской стороне к возврату была выставлена значительная сумма – более чем 1 млрд золотых рублей. Однако, как указывала польская делегация в своем отчете, процесс получения этих средств полностью зависел от желания обеих сторон находить компромиссы по данному вопросу. По причине невозможности реституции фондов польское руководство приняло решение о списании задолженности.

²¹ Основы урегулирования расчетов с польскими гражданами, бывшими служащими государственных учреждений // AAN. Zespół Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 8.

²² Инструкция польской делегации в Смешанной расчетной комиссии по решению отсроченной задолженности городских и сельских гмин на счетах бывшей Российской империи // AAN. Zespół Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 76.

²³ Предложения польской делегации по претензиям польских физических и юридических лиц к российским почтовым и почтово-телеграфным учреждениям // AAN. Zespół Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 166.

²⁴ Инструкция польской делегации в Смешанной расчетной комиссии по решению урегулирования задолженности бывшим военным Российской империи, польским гражданам // AAN. Zespół Ministerstwa zagranicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 76.

Распоряжением Президента Польши И. Мостицкого 22 марта 1928 г. «О ликвидации имущества бывших российских юридических лиц» был создан Ликвидационный комитет по делам бывших российских юридических лиц. Председателем комитета являлся В. Якубовский²⁵. В приложении к I инаугурационному заседанию комитета указывалось, что основной причиной его создания и издания распоряжения от 22 марта 1928 г. стало нежелание руководства СССР выполнять свои финансово-экономические обязательства по Рижскому договору, в частности о выплате компенсации за национализированное имущество частных лиц и обществ. Согласно Гражданскому кодексу РСФСР 1922 г., национализации подвергалось имущество частных банков, городских строений, церквей, частных больниц, торговых предприятий. Национализировались не только предприятия, которые принадлежали российским гражданам, но и размещенные на территории РСФСР промышленные и транспортные предприятия, принадлежавшие иностранным смешанным акционерным обществам и компаниям, а также иностранцам²⁶.

На территории Польши также оставалось имущество, принадлежавшее российским и украинским частным лицам, обществам и объединениям. Согласно распоряжениям министра промышленности и торговли Польши, министра финансов Польши от 13 июня 1922 г. иностранным акционерным обществам не разрешалось осуществлять деятельность в Польше без смены устава, без признания их польскими организациями и переноса постоянного местонахождения в Польшу (нострификация). При ликвидации объединений (союзов, обществ и др.) основное внимание уделялось их уставу. В случае, если в нем не было прописано, что при ликвидации все имущество организации должно быть поделено между ее членами, то оно передавалось в пользу государства (*bonum vacans*) с правом получения компенсации. Имущество юридических лиц продавалось третьим лицам, а полученные за него суммы направлялись на урегулирование кредитных претензий; остатки передавались владельцам (акционерам, членам) пропорционально их участию в общем финансировании. Достаточно просто ликвидация имущества (его продажа или передача в пользу государства) происходила в случае юридической приостановки деятельности общества или организации. Если предприятие на момент ликвидации не осуществляло деятельности (например, в случае с I обществом пригородных железных дорог), то его имущество переходило в

²⁵ I инаугурационное заседание Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 1461. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–11.

²⁶ Там же. Л. 11.

пользование какого-либо государственного учреждения (Польская линия железных дорог), которое должно было лишь произвести взаиморасчеты между ним и создателями общества.

В итоге в главном управлении Ликвидационного комитета (ЛК) и Министерстве финансов Польши было зарегистрировано 200 новых объединений с общим капиталом в 50 млн злотых²⁷. Первое заседание ЛК прошло 2 мая 1928 г. в здании Министерства финансов Польши. ЛК не входил в состав Министерства финансов Польши, однако пользовался его зданием, техническими средствами связи. Будучи коллегиальным органом, ЛК предоставлял отчетные материалы о своей деятельности Верховной контрольной палате Польши. В составе ЛК существовал ряд комиссий: страховая, оценочная, перерасчетная.

Согласно «Инструкции в деле определения основ расчетов и оценки балансовых позиций» ЛК от 28 июля 1928 г. процесс ликвидации имущества сопровождался назначением ответственного соисполнителя (ликвидатора), который, опираясь на нормы коммерческого права, был обязан производить двойной учет оборотных средств, получаемых от владения имуществом²⁸. Ликвидаторы, которые не производили двойной учет, должны были приступить к списанию активов и пассивов ликвидируемого имущества до составления бухгалтерского баланса, заполнения расчетных книжек. Документальным подтверждением их работы служили инвентарная книжка и дневник, которые предоставлялись членам ЛК и специально назначенному инструктору-контролеру.

Достаточно много времени в работе ЛК ушло на ликвидацию имущества бывших кредитных обществ (Барановичское сельскохозяйственное общество взаимного страхования, Минское общество взаимного кредитования, Минское аграрное общество, Слонимское общество взаимного кредитования, Полесское общество взаимного кредитования, Общество взаимного кредитования Витебских крестьян), ряда торговых предприятий (I общество подъездных железных дорог в России, Гродненское общество гидротехнических сооружений) и др.

В ходе работы ЛК много внимания уделялось акционерным обществам, головное предприятие которых находилось на территории СССР, а филиалы и их имущество располагались в Польше, в том числе и на так называемых «восточных креслах». Так, «Акционерное общество для эксплуатации нефти

²⁷ Информация о наличии обществ и организаций на балансе Министерства финансов Польши, подлежащих ликвидации // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

²⁸ Инструкция в деле определения основ расчётов и оценки балансовых позиций // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 12. Л. 672.

братьев Нобелей» владело имуществом на общую сумму в 1 млн 340 тыс. злотых в Вильно, Белостоке, Гродно, Пинске, Ровно, и на 20 млн злотых на территории Польши. Данная организация была связана договором с польским филиалом «Стандарт Нобель в Польше». Урегулирование юридических отношений между ними было передано на рассмотрение в Смешанную расчетную комиссию согласно ст. XVIII Рижского мирного договора. 27 августа 1927 г. СРК получила ответ на свой запрос от Министерства финансов Польши, в котором сообщалось, что бывшее «Акционерное общество для эксплуатации нефти братьев Нобелей» с центром, располагавшимся в Петрограде, ныне имеет право распоряжаться своим имуществом на территории Польши. СРК в свою очередь положительно рассмотрел вопрос о возвращении активов его владельцам²⁹.

4 июля 1928 г. на пятом заседании ЛК было рассмотрено дело о ликвидации имущества «Минского аграрного общества», в частности, сельскохозяйственной фермы и мельницы в имении Тухановичи (Новогрудский уезд), исследовательских полей в фольварке Новы Мир, имущества спиртзавода. Член комитета Е. Гжимала-Покрывницкий отмечал сложности с определением владельца имущества. Дело усложнялось тем фактом, что 11 апреля 1914 г. Ю. Тухановская продала имущество Минскому аграрному обществу, но с сохранением права пожизненного владения³⁰. Согласно воспоминаниям Э. Войниловича, председателя отмеченного общества с 1907 г. по 1921 г., сделка была совершена за минимальную цену³¹. В итоге комитет принял постановление о ликвидации имущества общества в пользу польской казны.

На сто одиннадцатом заседании ЛК 25 ноября 1930 г. дело «Минского аграрного общества» было приостановлено. Согласно уставу общества, при его ликвидации следовало в первую очередь произвести выплаты по долгам, во вторую очередь – вернуть членские вклады, кроме того, имелась возможность направить часть активов на специальные цели на основании решения общего собрания. Член ЛК З. Девановский предлагал продать часть имущества общества и погасить претензии акционеров общества. Однако, поскольку имущество общества приобреталось за счет пожертвований, устав не предусматривал его раздела, а только раздел взносов. «Минское аграрное общество» являлось не торговым объединением, а некоммерческой

²⁹ О ликвидации имущества «Стандарт Нобель в Польше» // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 12. Л. 56–58.

³⁰ Дело о ликвидации имущества Минского аграрного общества // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 2. Л. 83–84.

³¹ Войнилович Э. Воспоминания / перевод с польского, составление В. Завальнюка. Минск: [б. и.], 2007. С. 178.

организацией, т.е. членские взносы не составляли уставного капитала, не могли рассматриваться в качестве пассивов. Несмотря на претензии членов «Минского аграрного общества» (С. Володкевича, Л. Энгерта, С. и Я. Здраевских, Т. Верниковского), все имущество было передано в пользу государства. Среди прочего польская казна получила так называемое «Добро Тухановичей» (Циринская гмина Новогрудского уезда) площадью 870 га (урочище Верхнее Ордынище, фольварк «Новый Мир», лесные урочища Заросли, Стрельники, Нивище, Пищаны), общей площадью в 828 га, многочисленные строения и производства. Все имущество в декабре 1929 г. было оценено Новогрудской воеводской комиссией в 797 754, 95 злотых³².

12 февраля 1929 г. было рассмотрено дело о ликвидации имущества «Лепельского аграрного общества». В соответствии с актом купли-продажи за 1915 г. Л. Ивошевская продала имение Загатье (Дисненский уезд) аграрному обществу за 40 тыс. руб. Здание имения предназначалось для организации там аграрной школы. Но уже в 1924 г. Л. Ивошевская искадила факты и заявила, что подарила имение в пользу «Лепельского аграрного общества» при условии сохранения наследственного права, с созданием там школы. Исходя из этого, она требовала вернуть ей данное имущество. Решением Генеральной Прокуратуры Польши имение Загатье было возвращено прежнему владельцу. Таким образом, «Лепельское аграрное общество» не владело каким-либо имуществом на территории Польши, а значит, не подпадало под определение ликвидационного объекта³³.

Акционерное общество «Гродненские гидротехнические сооружения», основанное в 1890 г. М. Олтуховым в Петербурге, стало объектом рассмотрения на пятьдесят пятом заседании ЛК в августе 1929 г. 9 января 1925 г. на совещании в Главном ликвидационном управлении с участием представителей управления, министерств внутренних дел, промышленности и торговли, финансов, иностранных дел, справедливости, Генеральной Прокуратуры Польши, магистрата г. Гродно было принято решение признать акционерное общество юридическим лицом российского происхождения, имущество которого подвергалось ликвидации. Накануне, 8 января 1925 г., главный акционер М. Олтухов обратился к руководству г. Гродно с предложением продать свою часть акций городу. Однако получил отрицательный ответ, так как акционерное общество «Гродненские гидротехнические сооружения» являлось российским объединением, а значит

³² Протокол 111 заседания Ликвидационного комитета // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 10. Л. 129–131.

³³ Дело ликвидации имущества Лепельского аграрного общества // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 2. Л. 341–343.

решением его дел должна была заниматься Смешанная расчетная комиссия. Уже в мае 1925 г. Олтухов вновь инициировал продажу своих акций общества и вновь безрезультатно. Решением сто сорок третьего заседания ЛК 14 апреля 1932 г. имущество общества было передано в пользу магистрата г. Гродно³⁴.

«Минское городское кредитное общество», созданное в 1895 г., было организовано на началах взаимной поруки, представляя собой объединение владельцев заложенного имущества. Оно не имело основного (уставного) капитала; запасной капитал формировался с прибыли, получаемой обществом, и помещался в ценных бумагах, эмитированных царским правительством. К 1914 г. общая задолженность владельцев недвижимого имущества составляла 7 млн руб. На пятьдесят третьем заседании ЛК 7 августа 1929 г. был заслушан отчет ответственного за ликвидацию имущества «Минского городского кредитного общества». 3 января 1929 г. было принято решение о перечислении 2 400 злотых, полученных от ликвидации имущества общества, в пользу Государственного краевого (регионального) банка. Ответственным за ликвидацию имущества общества 10 мая 1929 г. был назначен С. Корвин-Петровский³⁵. На следующий день по докладу ликвидатора было принято решение, согласно которому дело общества следовало окончательно закрыть после ликвидации имущества Объединенного банка, которому общество было должно 4 500 злотых.

На сто тридцать восьмом заседании ЛК 14 октября 1931 г. был рассмотрен рапорт ликвидатора имущества «Минского общества взаимного кредитования» по вопросу получения от правительства СССР легализации подписей советских служащих на вексельных списках, реквизированных советскими властями из кассы общества. Ликвидатор отмечал, что отрицательная позиция правительства СССР по вопросу легализации подписей связана с сомнениями советской стороны в легитимности деятельности ЛК и ее ликвидационных распоряжений³⁶.

5 мая 1933 г. дело о ликвидации имущества «Минского общества взаимного кредитования» на общую сумму 302 554, 30 злотых было прекращено. Фактически ликвидационная масса представляла собой не реальные финансовые средства, а ипотечные облигации некоторых банков, поэтому даже покрытие издержек ликвидатора происходило за счет польской казны. Аналогичным образом были решены вопросы ликвидации имущества

³⁴ О ликвидации имущества акционерного общества «Гродненские гидротехнические сооружения» // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–18.

³⁵ Отчет ответственного за ликвидацию имущества «Минского городского кредитного общества» // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

³⁶ Протокол 138 заседания Ликвидационного комитета // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 8. Л. 404–407.

Могилевского, Шавельского, Вилькомирского, Витебского, Курляндского обществ взаимного кредитования³⁷. Некоторые отличия присутствуют в ликвидационном деле «Общества взаимного страхования витебских крестьян», где уставной вклад был возвращен организаторам общества³⁸.

Возникали сложности и при ликвидации имущества бывших российских банковских учреждений, как государственных (Киевский, Московский, Полтавский, Петербургско-Тульский поземельные банки), так и коммерческих (Азовско-Донской торговый банк, Объединенный банк, Центральный банк взаимного страхования, Российско-французский банк, Петроградский торговый банк, Петербургский международный торговый банк, Российский торгово-промышленный банк, Российский банк для внешней торговли, Российско-азиатский банк, Сибирский торговый банк, Волжско-Камский торговый банк). Некоторые банковские структуры имели свои отделения и на территории Беларуси, отошедшей согласно Рижскому договору к Польше. Так произошло, например, с отделением Азовско-Донского торгового банка в Пинске. 31 октября 1930 г. на сто девятом заседании ЛК было рассмотрено дело ликвидации имущества (здания банка) на общую сумму 130 540 злотых³⁹. Магистрат города предпринимал попытки продать или сдать в аренду данное помещение, но безрезультатно. В 1932 г., спустя два года после первого рассмотрения дела пинского филиала банка, по решению ЛК здание окончательно перешло на баланс администрации города⁴⁰.

Заключение

Противоречия и сложности в работе Польско-российско-украинской смешанной расчетной комиссии в 1921–1924 гг., созданной для выполнения статей XIV, XV, XVI, XVII Рижского договора, а также отсутствие реальных результатов в ее деятельности переводили взаиморасчеты между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой, в сферу нерешенных и спорных проблем. Осуществление советским руководством национализации имущества частных банков, городских строений, церковного имущества, частных больниц, торговых предприятий, иностранной собственности повлекло за собой стремление руководства Польши каким-либо образом решить вопрос с имуществом акционерных обществ и учреждений, юридическим адресатом

³⁷ Дело о ликвидации имущества Обществ взаимного кредитования // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 13. Л. 415.

³⁸ Ликвидационное дело «Общества взаимного страхования витебских крестьян» // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 9. Л. 79–81.

³⁹ Протокол 109 заседания Ликвидационного комитета // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 5. Л. 246.

⁴⁰ О форме собственности пинского филиала Азовско-Донского торгового банка // НАРБ. Ф. 1461. Оп. 1. Д. 7. Л. 74–76.

которых являлся СССР. Создание Ликвидационного комитета по делам бывших российских юридических лиц в Варшаве стало не только средством ликвидации имущества на территории Польши, но и способом снять все основания для выставления каких-либо компенсационных претензий с советской стороны. На территории Беларуси, отошедшей по условиям Рижского договора 1921 г. к Польше, также имелись объекты собственности, которые требовали изменения юридического статуса, определения формы и способов владения в изменившейся ситуации. В ходе ликвидации ряда кредитных и страховых акционерных обществ, банковских учреждений (Минского аграрного общества, Минского, Лепельского, Могилевского общества взаимного страхования и др.) их имущество передавалось либо в пользу польской казны, либо возвращалось прежним владельцам. Вариант выплаты каких-либо компенсаций бывшим вкладчикам или основателям реализовывался на практике крайне редко, а выделенные для этой цели суммы были незначительными.

Introduction

The Treaty of Riga laid foundations for peaceful coexistence of the Soviet republics and Poland. Taking into account the general course of each country and the situation in East-Central Europe, the foreign policy departments of Poland and the RSFSR (USSR) sought to establish relations, relieve tensions, and build an effective model for solving problems. However, the activities of the mixed commissions (re-evacuation, special, repatriation, border, military conciliation, and conciliation for resolving border incidents commissions) that were established for the practical implementation of a number of provisions of the Treaty of Riga and the Repatriation Agreement demonstrated a clear unwillingness of the parties to compromise, which was expressed in the absence of scenarios for optimal resolution of controversial issues. Not only did it cause delays in their work, but it also posed a threat of severing diplomatic relations.

The historiography of Soviet-Polish relations began as early as in the 1920s, when the first studies on the topic appeared.¹ In the same way as the subsequent Soviet publications of the 1920s–30s about the USSR’s policy towards its Western neighbors, those works were polemical in nature. Soviet historians accused the leading forces of Poland of seeking to create an anti-Soviet bloc along the western borders of the USSR and of failure to comply with the main provisions of the Treaty of Riga. In the 1950s, the issue of Soviet-Polish relations in the period before 1939 was considered from a class perspective. Soviet scientists positively assessed the possibility of Sovietization of Poland and also analyzed the goals of Józef Piłsudski’s eastern policy in line with the anti-Soviet plans of the Entente and the interests of Polish landownership in the former eastern lands of Rzeczpospolita. In the 1960s, new sources on the history of Soviet-Polish relations in 1921–39 were introduced into scholarly discourse. P. Olshanskii, who recognized the legitimacy of the assessments of his predecessors, cited previously unknown materials about the work of the mixed commissions formed for the practical implementation of a number of provisions of the Treaty of Riga, including the Mixed Settlement Commission, and for the first time in Soviet historiography, he identified the phases of hostility and rapprochement in bilateral relations.²

In Polish historiography of the interwar period, the concept of “two enemies” was formed, within which the RSFSR (USSR) and Germany were considered as bitter rivals of Poland in the international arena, which kept the Polish state in the “geopolitical grip.” The works were mainly polemical in nature; they did not raise the

¹ Yu. Markhlevskii, *War and Peace between Bourgeois Poland and Proletarian Russia* [in Russian] (Moscow: Gospolitizdat, 1921); K. Radek, *The Third Year of the Struggle of the Soviet Republic against the World Capital* [in Russian] (Moscow: Gospolitizdat, 1921).

² P.N. Ol'shanskii, *Treaty of Riga in the Development of Soviet-Polish Relations. 1921–1924* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1974).

question of the validity of the inclusion of Ukrainian, Belarusian, and Lithuanian lands into the Polish state. Historians and politicians wrote that Western states did not pay Poland a price high enough when solving the problem of its borders.³ In the period before the May Coup of 1926, two concepts competed in the works of Polish historians: the concept of incorporation of national democrats who advocated the independence of Poland within the boundaries of its second partition and the concept of federalism of Józef Piłsudski and his supporters to create a federal state. The Polish historians who worked during the years of the Polish People's Republic (PPR) repeated the conclusions of Soviet historiography in their assessments of the development of Soviet-Polish relations. W. Gostyńska,⁴ A. Deruga,⁵ J. Kumaniecki,⁶ and W. Materski⁷ wrote about the nature of Soviet-Polish relations after the creation of the Polish state as well as about its territorial problems, which arose, among other things, through the fault of the Polish side. The researchers noted the contradictory nature of Polish foreign policy: the desire to seize territories in the east and a defensive position on the issue of returning western Polish lands. The official historiography of the PPR did not speak in a negative way about the plans for the Sovietization of Poland in 1920 and about the Soviet idea of the world revolution.

In the late 1980s – early 1990s, a new stage in the historiography of Soviet-Polish relations began. In connection with the opening of access to an array of archival documents on the foreign policy of Soviet Russia (USSR), discussions on this topic resumed. Nowadays, many historians emphasize the continuity of the imperial geopolitical tradition in the foreign policy of Soviet Russia, which was relatively little influenced by communist ideology.⁸ In the works by V. Zubachevskii, this continuity is noted at different stages of the development of the state.⁹ O. Babenko¹⁰ believes that the Soviet leadership set the main course to achieve the status of a great state as

³ R. Dmowski, *Polityka polska i odbudowanie państwa* (Warsaw: Cyfrowa Biblioteka Myśli Narodowej, 1926).

⁴ W. Gostyńska, *Stosunki polsko-radzieckie. 1918–1919* (Warsaw: Książka i Wiedza, 1981).

⁵ A. Deruga, *Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919)* (Warsaw: Książka i Wiedza, 1969).

⁶ J. Kumaniecki, *Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923* (Warszawa: Książka i Wiedza, 1971).

⁷ W. Materski, *Polska a ZSRR, 1923–1924: Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie* (Wrocław: Ossolineum, 1981).

⁸ V.A. Shishkin, *The Formation of Foreign Policy in Post-Revolutionary Russia (1917–1930) and the Capitalist World: From Revolutionary “Westernism” to “National-Bolshevism”* [in Russian] (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002).

⁹ V.A. Zubachevskii, *Russia's Policy in Central and Eastern Europe (First Third of the 20th Century): A Geopolitical Aspect* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019).

¹⁰ O.V. Babenko, “Polish-Soviet Relations in 1924–1928” [in Russian] (PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 2006).

early as in 1922, for which it was necessary to return the lands lost in Eastern Europe. Belarusian historiography of Soviet-Polish relations is represented by the works of N. Mezga,¹¹ G. Laz'ko,¹² and V. Tsynkevich.¹³ Among the present-day Polish researchers into this topic, M. Leczyk,¹⁴ D. Nałęcz,¹⁵ A. Skszypek and W. Kowalski,¹⁶ S. Gregorowicz and M. Zacharias,¹⁷ and A. Nowak¹⁸ should be noted.

Despite the abundance of scientific works on various aspects of Soviet-Polish relations in 1921–39, the issues of the Mixed Settlement Commission and the Liquidation Committee on the Affairs of Former Russian Legal Entities have been poorly studied in foreign and domestic historiography, which, together with a fairly good supply of sources, prompted the author to a more detailed study of this topic. The purpose of the research is to characterize the activities of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw in 1928–33. To achieve this purpose, it was necessary to solve the following tasks: to study the regulatory framework for the formation and existence of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw in 1928–33, to establish the reasons for the ineffectiveness of its activities, and to identify the connection between the work of the committee and the Mixed Settlement Commission. The source base for the study included archival materials of the National Archive of the Republic of Belarus and the Polish Archive of the New Acts (Archiwum Akt Nowych). The Belarusian archive, Fonds 1461 (Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw) contains 13 units of storage for the years 1928–33. The materials of the fonds include committee minutes and documents accompanying them (statistical data, committee decisions, liquidators'

¹¹ N.N. Mezga, *Soviet-Polish Relations in 1921–1926: A New Stage in Confrontation* [in Russian] (Gomel: GGU im. F. Skoriny, 2019).

¹² G.G. Laz'ko, *Before the Flood (European Policy of Poland. 1932–1939)* [in Belarusian] (Minsk: BDU, 2000).

¹³ V.M. Tsynkevich, "Political Relations between the BSSR and the Republic of Poland in 1921–1929" [in Belarusian] (PhD diss., Belarusian State University, 2004).

¹⁴ M. Leczyk, *Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji* (Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976).

¹⁵ D. Nałęcz, "Pokój ryski – epizod w stosunkach polsko-rosyjskich." In *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, pod redakcją S. Dębskiego (Warsaw: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013), 97–129.

¹⁶ W.T. Kowalski, and A. Skszypek, *Stosunki polsko-radzieckie 1917–1945* (Warsaw: Krajowa agencja wydawnicza, 1980).

¹⁷ S. Gregorowicz, and M.J. Zacharias, *Polska–Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939* (Warsaw: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995).

¹⁸ A. Nowak, "Ryga: interpretacje i konsekwencje w polityce międzynarodowej." In *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, pod redakcją S. Dębskiego (Warsaw: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013), 131–62.

reports, account ledgers of some joint stock companies). The Archive of New Acts in Warsaw (Archiwum Akt Nowych) contains the working materials of the Mixed Settlement Commission, presented in the collections of the Polish Ministry of Foreign Affairs.

Main body

The Treaty of Riga of 1921 also provided for the establishment of the Mixed Settlement Commission (hereinafter referred to as the MSC), which was supposed to resolve the issue of financial institutions evacuated to Russia, compensation of deposits of the population in Poland, and business entities in Russian banks. The commission was supposed to deal with issues of mutual settlements between the Polish and Russian-Ukrainian parties: determine the amount, methods and terms of payments, to resolve the cases related to private legal relations between the two countries, to repay claims of legal entities and individuals received by the Ministry of Finance of Poland and People's Commissariat of Finance of the RSFSR, Ukrainian SSR, and other government institutions, both Polish and Russian-Ukrainian. Mutual settlements related to the process of re-evacuation of Polish private and state-owned property fell within the jurisdiction of the MSC.¹⁹

According to Article 16 of the Treaty of Riga, the Russian-Ukrainian side undertook to make settlements with Poland for funds and capital that were bequeathed or donated to Polish legal entities and individuals and, according to mandatory regulations, kept in accounts in state treasuries or credit institutions of the former Russian Empire. To make settlements provided for in Article 14, 15, 16, 17 of the Treaty of Riga, to establish the principles of these settlements in cases not provided for by the treaty, and to determine the amount, methods, and deadline of payment for the settlements mentioned above, the MSC consisting of 5 representatives from each side and the required number of experts based in Warsaw was to be established within 6 weeks from the date of ratification of the treaty. October 1, 1915 was established as the date of transactions that was taken as the starting point. Payments were made in Russian gold roubles. On May 30, 1921, the Russian-Ukrainian delegation of the Mixed Settlement Commission arrived in Warsaw, and in 1924 it returned to Moscow. The Polish delegation was formed on June 1, 1921. The Commission began its work with some delay, which was caused by the illness of L. Obolenskii, Chairman of the Russian-Ukrainian delegation.²⁰ As a

¹⁹ *Documents of foreign policy of the USSR* [in Russian], ed. by G.A. Belov et al., vol. 3, *July 1, 1920 – March 18, 1921* (Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1959), 703.

²⁰ "Otchet o deyatel'nosti pol'skoi delegatsii v Smeshannoi raschetnoi komissii za 1921–1922 gg." [Report on the activities of the Polish delegation in the Mixed Settlement Commission for 1921–1922]. *Zespol MZS*. Sygn. 9391. S. 122–23. Archiwum Akt Nowych (AAN), Warsaw, Poland.

result, the 1st meeting of the MSC took place on November 3, 1921. J.K. Karsnicki (chairman of the Polish delegation), S. Kauzik, S. Krulikowski, S. Makowiecki, and T. Navoisky represented the Polish side. From the Russian-Ukrainian side there were L. Obolenskii (chairman), M. Bogolepov, I. Khurgin, and B. Zul'. Initially it was planned to include the plenipotentiary representative of the RSFSR in Poland L. Karakhan in the Russian-Ukrainian delegation, but due to his extreme busyness, the Soviet side was represented by four commission members.

During the first plenary meeting of the MSC, technical issues were considered, methods of making payments were discussed, the rules of the Commission's work were approved, and the need for the Russian-Ukrainian side to deliver the exported acts and documents necessary for mutual settlements was confirmed. It was recognized that in order to carry out settlement operations, it was necessary to have archival documents taken from the territory of Poland during the First World War: archives of chambers (izbas) and treasuries, state charity funds, departments of city banks, rural and nobility banks, and evacuated private credit institutions.

The regulations stipulated that plenipotentiary representatives of the two delegations and technical staff summoned by the chairman of the delegation had the right to participate in plenary sessions. The time and place of meetings and the daily routine were established by agreement of the chairmen of the delegations. The working languages were Polish, Russian, and Ukrainian. The minutes were kept by each side in Polish and in Russian. There was also a possibility of forming subcommittees to consider a specific issue.

The second meeting of the MSC, which began on December 5, 1921, was devoted to determining the deadlines for the return of the documentary basis of mutual settlements. Two months later, the Russian-Ukrainian side, in whose territory all the necessary sources were located, had to re-evacuate the materials of the central institutions, the payments of which passed through the Main State Cash Office (Central or St Petersburg Department of the Russian State Bank), starting from January 1, 1916, to provide information about mutual debts and letter of attorney. In addition, the Russian-Ukrainian side was charged to send printed copies of all budgets of state institutions for 1915–17.

On December 5, 1921, the Polish branch of the MSC issued a resolution according to which all persons entitled to mutual settlements had to apply to the office of the Polish delegation, a separate commission in Warsaw, or they could do it through consulates and representative offices abroad. Applicants were required to attach to their forms documentary evidence with a precisely defined number of property or property rights they wished to return. After preliminary consideration, applications with attachments were sent to the Russian-Ukrainian delegation, which had to give an official response on the feasibility of the calculations within a month from the date of receipt of the applications. In the event that a response was not received from the

Russian-Ukrainian side within a month, the application was to be satisfied in full. The replies were prepared in special subcommittees comprising four experts (two on each side). The decision was made by majority of votes. If the votes were equal, the case was transferred for consideration to the main commission of the MSC for another two months.

During the first three plenary meetings, no decision was made regarding the principle and mechanism of settlements. On December 12, 1921, the proposal of the Polish delegation to establish the basis for settlements with Polish citizens, former employees of state institutions was considered (Article 17, Part 2, Article 18). According to that proposal, employees of military, civil, and railway institutions of the former Kingdom of Poland and the Russian Empire; their heirs (widows and orphans) also had the right to claim payment of all debts of wages, pensions, and other unpaid sums.²¹ Two weeks later (on December 26, 1921), the issue of the deferred debt of urban and rural gminy in the accounts of the former Russian Empire was raised.²² In execution of Item 2 of Article 17 of the Treaty of Riga, Poland was obliged to make settlement with the Soviet government for the sums receivable from urban and rural gminy.

At the initiative of the Polish delegation in March 1922, the issue of settlements was raised regarding claims of Polish individuals and legal entities to Russian postal and post-and-telegraph institutions, both evacuated and operating in the territory of the RSFSR and Ukrainian SSR.²³ Payments were provided for unfulfilled postal and telegraphic transfers; unpaid promissory notes; undelivered valuable parcels and registered letters. At the same time, a proposal was put forward by the Polish delegation to the MSC on the issue of settling the debt of former military personnel of the Russian Empire, Polish citizens (officers, doctors, paramedics, soldiers, hospital attendants, etc.) for a total amount of 119 million 458 thousand gold roubles,

²¹ “Osnovy uregulirovaniya raschetov s pol'skimi grazhdanami, byvshimi sluzhashchimi gosudarstvennykh uchrezhdenii” [Bases of settling payments to Polish citizens, former government employees]. Zespól Ministerstwa zagragnicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 8. AAN.

²² “Instruktsiya pol'skoi delegatsii v Smeshannoi raschetnoi komissii po resheniyu otsrochennoi zadolzhennosti gorodskikh i sel'skikh gmin na schetakh byvshei Rossiiskoi imperii” [Instructions of the Polish delegation in the Mixed Settlement Commission on resolving deferred debts of urban and rural gminy on the accounts of the former Russian Empire]. Zespól Ministerstwa zagragnicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 76. AAN.

²³ “Predlozheniya pol'skoi delegatsii po pretenziyam pol'skikh fizicheskikh i yuridicheskikh lits k rossiiskim pochtovym i pochtovo-telegrafnym uchrezhdeniyam” [Proposals of the Polish delegation regarding claims of Polish individuals and legal entities against Russian postal and post-and-telegraph institutions]. Zespól Ministerstwa zagragnicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 166. AAN.

including pensions, payments for food, permanent and special payments for 24 thousand people.²⁴

On December 27, 1924, the President of Poland issued the order “On the Protection of Holder Rights (of Property) Exported to the Territory of the USSR, Which is held in Institutions in This Territory.” And on February 16, 1925, an order was published by the Minister of Finance of Poland, according to which owners of property or capital were required to submit a statement of their claims to the Main Liquidation Department no later than November 1, 1925. As a result, the Soviet side was asked to return a significant amount of more than 1 billion gold roubles. However, as the Polish delegation indicated in its report, the process of obtaining those funds depended entirely on the desire of both sides to compromise on this issue. Due to the impossibility of restitution of funds, the Polish leadership decided to write off the debt.

By order of President of Poland Ignacy Mościcki as of March 22, 1928 “On the Liquidation of Property of Former Russian Legal Entities,” the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities was established. V. Yakubovskii was the chairman of the committee.²⁵ The appendix to the first inaugural meeting of the Committee indicated that the main reason for its establishment and issuance of the order dated March 22, 1928 was reluctance of the USSR leadership to fulfill its financial and economic obligations under the Treaty of Riga, in particular regarding payment of compensation for the nationalized property of individuals and societies. According to the RSFSR Civil Code of 1922, the property of private banks, urban buildings, church property, private hospitals, and commercial enterprises were subject to nationalization. As well as enterprises that belonged to Russian citizens, among them were industrial and transport enterprises located in the territory of the RSFSR that belonged to foreign joint stock companies and societies and foreigners.²⁶

In the Polish territory there was also property that belonged to Russian and Ukrainian individuals, societies, and associations. According to the orders of the Minister of Industry and Trade of Poland and the Minister of Finance of Poland as of

²⁴ “Instruktsiya pol'skoi delegatsii v Smeshannoi raschetnoi komissii po resheniyu uregulirovaniya zadolzhennosti byvshim voennym Rossiiskoi imperii, pol'skim grazhdanam” [Instructions of the Polish delegation to the Mixed Settlement Commission on the decision to settle debts to former military personnel of the Russian Empire, Polish citizens. Zespół Ministerstwa zagagnicznych spraw. Sygn. 6739a. S. 76. AAN.

²⁵ “I inauguratsionnoe zasedanie Likvidatsionnogo komiteta po delam byvshikh rossiiskikh yuridicheskikh lits” [First inaugural meeting of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities]. F. 1461, op. 1, d. 1, ll. 7–11. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus' (NARB) [National Archives of the Republic of Belarus], Minsk, Belarus.

²⁶ *Ibid.*, l. 11.

June 13, 1922, foreign joint stock companies were not allowed to operate in Poland without changing their charter, recognizing them as Polish organizations, and transferring their permanent location to Poland (nostrification). When liquidating associations (unions, societies, etc.), the main attention was paid to their charter. If it did not stipulate that all property of the organization should be divided between its members upon liquidation, it was transferred to the state (*bonum vacans*) with the right to receive compensation. The property of legal entities was sold to third parties, and the amounts received were spent to settle credit claims; the balances were transferred to the owners (shareholders, members) in proportion to their participation in the overall funding. The liquidation of property (its sale or transfer to the state) was quite simple in the event of legal suspension of the activities of a society or organization. If an enterprise was not operating at the time of liquidation (as it was in the instance of the First Suburban Railway Society), its property was transferred to some state institution (Polish Line of Railways), which was only supposed to make mutual settlements between it and the founders of the society.

As a result, 200 new associations with a total capital of 50 million zlotys²⁷ were registered at the headquarters of the liquidation committee (LC) and the Ministry of Finance of Poland. The first meeting of the LC was held on May 2, 1928 in the building of the Ministry of Finance of Poland. The committee was not part of the Ministry of Finance of Poland but used its building and technical means of communication. Being a collegial body, the LC provided reporting materials on its activities to the Supreme Control Chamber of Poland. A number of commissions existed as part of the LC. Among them were insurance, assessment, and reappraisal commissions.

According to the “Instructions for Determining the Basis of Settlements and Assessment of Balance Sheet Positions” of the LC of July 28, 1928, the process of liquidation of property was accompanied by the appointment of a responsible co-executor (liquidator). Based on the norms of commercial law, he was obliged to double-count working capital received from the ownership of property.²⁸ Liquidators who did not double-count had to begin writing off the assets and liabilities of the liquidated property before drawing up a balance sheet and filling out the books. Documentary evidence of their work was an inventory book and a ledger, which were submitted to the members of the LC and a specially appointed controlling instructor.

²⁷ “Informatsiya o nalichii obshchestv i organizatsii na balanse Ministerstva finansov Pol'shi, podlezhashchikh likvidatsii” [Information on societies and organizations subject to liquidation, which are present on the balance sheet of the Ministry of Finance of Poland]. F. 1461, op. 1, d. 3, l. 16. NARB.

²⁸ “Instruktsiya v dele opredeleniya osnov raschetov i otsenki balansovykh pozitsii” [Instruction for determining the basis settling and assessing balance positions]. F. 1461, op. 1, d. 12, l. 672. NARB.

Quite large amount of time in the work of the LC was devoted to the liquidation of the property of former credit societies (Baranovich Agricultural Mutual Insurance Society, Minsk Mutual Crediting Society, Minsk Agrarian Society, Slonim Mutual Crediting Society, Polesie Mutual Crediting Society, Vitebsk Peasants Mutual Crediting Society), a number of trading enterprises (the First Society of Access Railways in Russia, Grodno Society of Hydraulic Facilities), etc.

During the LC's work, much attention was paid to joint stock companies the head enterprise of which was located in the territory of the USSR and branches and their property were located in Poland, including the so-called Eastern Borderlands. For instance, the Nobel Brothers' Joint Stock Company for the Exploitation of Petroleum owned property totaling 1 million 340 thousand zlotys in Vilna, Bialystok, Grodno, Pinsk, and Rivne, and totaling 20 million zlotys in the territory of Poland. This organization was bound by an agreement with the Polish branch of Standard-Nobel in Poland. The settlement of legal relations between them was submitted for consideration to the Mixed Settlement Commission in accordance with Article 18 of the Treaty of Riga. On August 27, 1927, the MSC received a reply to its enquiry from the Ministry of Finance of Poland. It stated that the Nobel Brothers' Joint Stock Company for the Exploitation of Petroleum with its headquarters in Petrograd was entitled to dispose of its property located in Poland. The MSC, in its turn, resolved the issue of returning assets to its owners positively.²⁹

On July 4, 1928, at the fifth meeting of the LC, the case of liquidation of the property of the Minsk Agrarian Society was considered, in particular, of an agricultural farm and a mill on the Tuchanowichi estate (Novogrudsky Uyezd), research fields in Novy Mir folwark, and the property of a distillery. Committee member E. Grzymała-Pokrywnicki noted difficulties in determining the owner of the property. The matter was complicated by the fact that on April 11, 1914, J. Tuchanowska sold the property to the Minsk Agrarian Society but retained the right of lifelong ownership.³⁰ According to the memoirs of E. Voinilovich, who was the chairman of the above mentioned society from 1907 to 1921, the transaction was made at a minimum price.³¹ As a result, the committee adopted a resolution to liquidate the society's property in the benefit of the Polish treasury.

At the one hundred and eleventh meeting of the LC on November 25, 1930, the case of the Minsk Agrarian Society was suspended. According to its charter, upon its liquidation, it was necessary to make payments on debts firstly and to return

²⁹ "O likvidatsii imushchestva 'Standart Nobel' v Pol'she" [On the liquidation of the property of Standard-Nobel in Poland]. F. 1461, op. 1, d. 12, ll. 56–58. NARB.

³⁰ "Delo o likvidatsii imushchestva Minskogo agrarnogo obshchestva" [Case of the liquidation of property of the Minsk Agrarian Society]. F. 1461, op. 1, d. 2. ll. 83–84. NARB.

³¹ E. Woyniłłowicz, *Memoirs* [in Russian], trans. from Polish and comp. V. Zaval'nyuk (Minsk: [n.p.], 2007), 178.

membership contributions secondly; in addition, it was possible to direct part of the assets to special purposes based on the decision of the general meeting. Member of the LC Z. Dewanowski proposed to sell part of the society's property and pay off the claims of its shareholders. However, since the society's property was acquired through donations, the charter did not provide for its division, but only the division of contributions. Minsk Agrarian Society was a non-profit organization rather than a trade association, i.e. membership fees did not constitute the nominal capital and could not be considered as liabilities. Despite the claims of members of the Minsk Agrarian Society (S. Wołodkiewicz, L. Engert, S. and J. Zdrajewscy, T. Wiernikowski), all property was transferred to the state. Among other things, the Polish treasury received the so-called Tuchanowichi's Dobro (Tsirinskaya gmina of Novogrudsky Uyezd) with an area of 870 hectares (Verkhneye Ordynishche urochishche, Novy Mir folwark, Zarosli, Strelniki, Nivishche, and Pishchany forest urochishches), with a total area of 828 hectares, numerous buildings and production facilities. In December 1929, all property was estimated by the Novogrudok Voivodeship Commission at 797,754.95 zlotys.³²

On February 12, 1929, the case of liquidation of the property of the Lepiel Agrarian Society was considered. In accordance with the act of purchase and sale for 1915, L. Ivoshevskaya sold the Zagatye estate (Disnensky Uyezd) to the agrarian society for 40 thousand roubles. The estate building was intended for housing an agrarian school there. But in 1924, L. Ivoshevskaya distorted the facts and stated that she had donated the estate to the Lepiel Agrarian Society provided that inheritance rights would be preserved and a school would be established there. Based on this, she demanded that this property to be returned to her. By decision of the Polish Prosecutor General's Office, the Zagatye estate was returned to its previous owner. Thus, the Lepiel Agrarian Society did not own any property in the territory of Poland and therefore did not fall under the definition of a liquidation facility.³³

The Grodno Hydraulic Facilities Joint Stock Company founded in 1890 by M. Oltukhov in St Petersburg, became the subject of consideration at the fifty-fifth meeting of the LC in August 1929. On January 9, 1925, at a meeting in the Main Liquidation Directorate with the participation of representatives of the directorate, ministries of internal affairs, industry and trade, finance, foreign affairs, justice, the General Prosecutor's Office of Poland, the magistrate of the city of Grodno it was decided to recognize the joint stock company as a legal entity of Russian origin, the property of which was subject to liquidation. The day before, on January 8, 1925, the

³² "Protokol 111 zasedaniya Likvidatsionnogo komiteta" [Minutes of the 111th meeting of the Liquidation Committee]. F. 1461, op. 1, d. 10, ll. 129–31. NARB.

³³ "Delo likvidatsii imushchestva Lepel'skogo agrarnogo obshchestva" [Case of the liquidation of the property of the Lepiel Agrarian Society]. F. 1461, op. 1, d. 2, ll. 341–43. NARB.

main shareholder M. Oltukhov approached the leadership of the city of Grodno with a proposal to sell his shares to the city. However, he received a negative response, since the Grodno Hydraulic Facilities Joint Stock Company was a Russian association, which meant that the Mixed Settlement Commission was to deal with its affairs. In May 1925, Oltukhov initiated the sale of his shares again and again to no avail. By the decision of the one hundred and forty-third meeting of the LC on April 14, 1932, the property of the company was transferred in the benefit of the magistrate of the city of Grodno.³⁴

Minsk City Credit Society, established in 1895, was organized on the basis of mutual guarantee, representing an association of owners of secured property. It did not have registered (nominal) capital; reserve capital was formed from the profits of the society and was placed in securities issued by the tsarist government. In 1914, the total debt of real estate owners was 7 million roubles. At the fifty-third meeting of the LC on August 7, 1929, a report was delivered by the person responsible for the liquidation of the property of the Minsk City Credit Society. On January 3, 1929, it was decided to transfer 2,400 zlotys obtained from the liquidation of the society's property in the benefit of the State Regional Bank. S. Korvin-Petrovsky³⁵ was appointed responsible for the liquidation of the society's property on May 10, 1929. The following day, based on the liquidator's report, a decision was made according to which the society's case would be finally closed after the liquidation of the property of the United Bank, to which the society owed 4,500 zlotys.

At the one hundred thirty-eighth meeting of the LC on October 14, 1931, the report of the liquidator of the Minsk Mutual Crediting Society's property was considered on the issue of obtaining from the USSR government the legalization of the signatures of Soviet employees on bills of exchange requisitioned by the Soviet authorities from the society's cash register. The liquidator noted that the negative position of the USSR government on the issue of legalization of signatures was associated with doubts on the Soviet side about the legitimacy of the LC's activities and its liquidation orders.³⁶

On May 5, 1933, the case of liquidation of the Minsk Mutual Crediting Society's property for a total amount of 302,554.30 zlotys was terminated. In fact, the liquidation mass was not real financial assets but mortgage bonds of some banks, so

³⁴ “O likvidatsii imushchestva aktsionernogo obshchestvo ‘Grodnenskie gidrotekhnicheskie sooruzheniya’” [On the liquidation of the property of the joint-stock company “Grodno Hydraulic Facilities”]. F. 1461, op. 1, d. 1, ll. 17–18. NARB.

³⁵ “Otchet otvetstvennogo za likvidatsiyu imushchestva ‘Minskogo gorodskogo kreditnogo obshchestva’” [Report of the person responsible for the liquidation of property of the Minsk City Credit Society]. F. 1461, op. 1, d. 3, l. 6. NARB.

³⁶ “Protokol 138 zasedaniya Likvidatsionnogo komiteta” [Minutes of the 138th meeting of the Liquidation Committee]. F. 1461, op. 1, d. 8, ll. 404–07. NARB.

the Polish treasury even covered the liquidator's costs. The issues of liquidation of the property of the Mogilev, Shavelsky, Vilkomirsky, Vitebsk, and Courland mutual crediting societies were resolved in a similar way.³⁷ Some differences can be found in the liquidation case of the Vitebsk Peasants Mutual Insurance Society, where the assessed contribution was returned to the founders of the society.³⁸

Difficulties also arose during the liquidation of the property of former Russian banking institutions, among which there were state-owned institutions (Kiev, Moscow, Poltava, St Petersburg-Tula land banks) and commercial institutions (Azov-Don Trade Bank, United Bank, Central Mutual Insurance Bank, Russian-French Bank, Petrograd Trade Bank, St Petersburg International Trade Bank, Russian Commercial and Industrial Bank, Russian Bank for Foreign Trade, Russian-Asian Bank, Siberian Trade Bank, Volga-Kama Trade Bank). Some banking structures also had their branches in the territory of Belarus, which was transferred to Poland according to the Treaty of Riga. This happened, for example, with the branch of the Azov-Don Trade Bank in Pinsk. At the one hundred and ninth meeting of the LC on October 31, 1930, the case of liquidation of property (bank's building) for a total amount of 130,540 zlotys was considered.³⁹ The city magistrate made attempts to sell or lease the premises, but to no avail. In 1932, two years after the first consideration of the case Pinsk branch of the, the building was finally transferred to the balance of the city administration by decision of the LC.⁴⁰

Conclusion

Contradictions and difficulties that occurred in 1921–24 in the work of the Polish-Russian-Ukrainian Mixed Settlement Commission created in execution of Articles 14, 15, 16, 17 of the Treaty of Riga as well as the lack of real results in its activities made mutual settlements between the RSFSR and the Ukrainian SSR on the one hand and Poland on the other, one of the unresolved and controversial problems. Nationalization of the property of private banks, city buildings, church property, private hospitals, trading enterprises, and foreign property by the Soviet leadership entailed the desire of the Polish leadership to somehow resolve the issue of the

³⁷ “Delo o likvidatsii imushchestva Obshchestv vzaimnogo kreditovaniya” [Case of the liquidation of property of Mutual Crediting Societies]. F. 1461, op. 1, d. 13, l. 415. NARB.

³⁸ “Likvidatsionnoe delo ‘Obshchestva vzaimnogo strakhovaniya vitebskikh krest'yan’” [Liquidation case of the Vitebsk Peasants Mutual Insurance Society]. F. 1461, op. 1, d. 9, ll. 79–81. NARB.

³⁹ “Protokol 109 zasedaniya Likvidatsionnogo komiteta” [Minutes of the 109th meeting of the Liquidation Committee]. F. 1461, op. 1, d. 5, l. 246. NARB.

⁴⁰ “O forme sobstvennosti pinskogo filiala Azovsko-Donskogo torgovogo banka” [On the form of ownership of the Pinsk branch of the Azov-Don Commercial Bank]. F. 1461, op. 1, d. 7, ll. 74–76. NARB.

property of joint stock companies and institutions the legal addressee of which was the USSR. The formation of the Liquidation Committee for the Affairs of Former Russian Legal Entities in Warsaw became a way to liquidate property in the Polish territory and also to remove all grounds for making any compensation claims by the Soviet side. In the territory of Belarus, which was ceded to Poland under the terms of the Treaty of Riga in 1921, there was also some property that required a change in legal status and determination of the form and methods of ownership in the changed situation. During the liquidation of a number of credit and insurance joint stock companies and banking institutions (Minsk Agrarian Society, Minsk, Lepiel, Mogilev Mutual Insurance Societies, etc.), their property was either transferred to the Polish treasury or returned to the previous owners. The option of paying any compensation to former investors or founders was extremely rare in practice, and the amounts allocated for that purpose were insignificant.

Список литературы

- Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. 283 с.
- Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 278 с.
- Мезга Н.Н.* Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. 229 с.
- Ольшанский П.Н.* Рижский договор и развития советско-польских отношений. 1921–1924. Москва: Наука, 1974. 285 с.
- Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. 362 с.
- Лазько Р.Р.* Перад патапам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.). Мінск: БДУ, 2000. 354 с.
- Цынкевіч В.М.* Палітычныя ўзаемадачыненні паміж БССР і Польскай Рэспублікай у 1921–1929 гг.: дис. ... канд. гіст. навук. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2004. 127 л.
- Gregorowicz S., Zacharias M.J.* Polska–Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939. Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995. 230 s.
- Kowalski W.T., Skszypek A.* Stosunki polsko-radzieckie 1917–1945. Warszawa: Krajowa agencja wydawnicza, 1980. 305 s.
- Kumaniński J.* Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 281 s.
- Leczyk M.* Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 379 s.
- Materski W.* Polska a ZSRR, 1923–1924: Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie. Wrocław: Ossolineum, 1981. 237 s.
- Nałęcz D.* Pokój ryski – epizod w stosunkach polsko-rosyjskich // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod redakcją S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 97–129.

Nowak A. Ryga: interpretacje i konsekwencje w polityce międzynarodowej // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod redakcją S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 131–162.

References

Babenko, O.V. “Pol'sko-sovetskie otnosheniya v 1924–1928 gg.” [Polish-Soviet relations in 1924–1928]. PhD diss., Lomonosov Moscow State University, 2006. (In Russian)

Gregorowicz, S., and M.J. Zacharias. *Polska–Związek Sowiecki. Stosunki polityczne, 1925–1939*. Warsaw: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1995.

Kowalski, W.T., and A. Skszypek. *Stosunki polsko-radzieckie 1917–1945*. Warsaw: Krajowa agencja wydawnicza, 1980.

Kumaniecki, J. *Po traktacie ryskim: stosunki polsko-radzieckie, 1921–1923*. Warsaw: Książka i Wiedza, 1971.

Laz'ko, G.G. *Perad patopam (Eŭrapeiskaya palityka Pol'shchi. 1932–1939)* [Before the flood (European policy of Poland. 1932–1939)]. Minsk: BDU, 2000. (In Belarusian)

Leczyk, M. *Polityka II Rzeczypospolitej wobec ZSSR w latach 1925–1934. Studium z historii dyplomacji*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976.

Materski, W. *Polska a ZSRR, 1923–1924: Stosunki wzajemne na tle sytuacji politycznej w Europie*. Wrocław: Ossolineum, 1981.

Mezga, N.N. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations in 1921–1926: a new stage in confrontation]. Gomel: GGU im. F. Skoriny, 2019. (In Russian)

Nałęcz, D. “Pokój ryski – epizod w stosunkach polsko-rosyjskich.” In *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, pod redakcją S. Dębskiego, 97–129. Warsaw: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.

Nowak, A. “Ryga: interpretacje i konsekwencje w polityce międzynarodowej.” In *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później*, pod redakcją S. Dębskiego, 131–62. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.

Ol'shanskii, P.N. *Rizhskii dogovor i razvitiu sovetsko-pol'skikh otnoshenii. 1921–1924* [Treaty of Riga in the development of Soviet-Polish relations. 1921–1924]. Moscow: Nauka, 1974. (In Russian)

Shishkin, V.A. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revolyutsionnogo “zapadnichestva” k “natsional-bol'shevizmu”* [The formation of foreign policy in post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: from revolutionary “Westernism” to “National-Bolshevism”]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2002. (In Russian)

Tsynkevich, V.M. “Palitychnyya ŷaemadachynenni pamizh BSSR i Pol'skai Respublikai u 1921–1929 gg.” [Political relations between the BSSR and the Republic of Poland in 1921–1929]. PhD diss., Belarusian State University, 2004. (In Belarusian)

Zubachevskii, V.A. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaya tret' XX veka): geopoliticheskii aspekt* [Russia's policy in East-Central Europe (first third of the 20th century): a geopolitical aspect]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. (In Russian)

Информация об авторе

Ольга Николаевна Боровская – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики, <https://orcid.org/0000-0001-7164-7432>, borovskaya-olga@mail.ru, Институт истории НАН Беларуси (д. 1, ул. Академическая, 220072 Минск, Беларусь).

Information about the author

Olga N. Borovskaya – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center of World History, International Relations and Geopolitics, <https://orcid.org/0000-0001-7164-7432>, borovskaya-olga@mail.ru, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1, ul. Akademicheskaya, 220072 Minsk, Belarus).

Статья поступила в редакцию 23.03.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 31.01.2024.

The article was submitted 23.03.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 31.01.2024.